

ТОЧКА ЗРЕНИЯ / POINT OF VIEW

Научная статья / Research article

Экономическая и интеграционная политика Узбекистана как колеблющегося государства

Д. О. Матяшова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8528-5054>, email: dasham0708@mail.ru

Аннотация: статья посвящена экономическому и интеграционному измерению внешней политики Узбекистана при Шавкате Мирзиёеве. После его прихода к власти политический курс страны изменился в сторону большей открытости и более интенсивного продвижения собственных региональных инициатив, что требует более подробного осмысления. Цель исследования заключается в том, чтобы определить, какие стратегические цели решает Узбекистан, балансируя между евразийским и постсоветским интеграционными векторами, активизацией на европейском направлении и продвижением собственных инициатив. Для этого современный Узбекистан в статье рассматривается как колеблющееся государство. Для рассмотрения в этом контексте средней державы потребовалось адаптировать оригинальное понятие Р. Фонтейна и Д. Клаймана, отражавшее реалии, актуальные для великих держав, в соответствии с актуальными наработками в исследованиях международных организаций. В качестве теоретической базы исследования также использована концепция международных режимов. На основании этого были выявлены функции, которые колеблющимся государствам приходится решать для повышения своего влияния на международной арене и одновременно – сохранения внутренней устойчивости. В результате выявлено, что Узбекистан как «колеблющееся государство» решает задачи минимизации внешнеполитических рисков, которые могли бы спровоцировать рост международной напряжённости, дальнейшего накопления ресурсов для ускоренного экономического развития и формирования возможности для продвижения своих инициатив и режимов без отказа от развития с опорой на инвестиции. Для этого он вовлекается в интеграционные инициативы постсоветского, большого евразийского и европейского пространств, которые, с одной стороны, помогают решать задачи, связанные с экономическим развитием, с другой стороны, контрбалансируют друг друга. Аналогичные тенденции демонстрируются и во внешнеэкономической политике в целом, что отражается на структуре инвестиций и выборе моделей развития страны. Параллельно Ташкент продвигает свои инициативы с перспективой выработки режимов на уровне Центральной Азии. Аналогичной схемы Узбекистан придерживается в инвестициях, диверсифицируя их источники и создавая связи со средними экономиками мира.

Ключевые слова: Узбекистан, колеблющиеся государства, восходящие державы, Евразийский экономический союз, Шанхайская организация сотрудничества, евразийская интеграция

Для цитирования: Матяшова Д. О. Экономическая и интеграционная политика Узбекистана как колеблющегося государства // Постсоветские исследования. 2024; 5(7):536-543.

Economic and integration policy of Uzbekistan as a swing state

Daria O. Matyashova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8528-5054>, email: dasham0708@mail.ru

Abstract: This article explores the economic and integration dimensions of Uzbekistan's foreign policy under Shavkat Mirziyoyev. Since his rise to power, the country's political course has shifted towards greater openness and a more proactive promotion of its own regional initiatives, demanding

a thorough analysis. This research aims to identify Uzbekistan's strategic objectives as it navigates a path between Eurasian and post-Soviet integration vectors, increased engagement with Europe, and the advancement of its own initiatives. To this end, the article examines modern Uzbekistan as a "swing state." Applying this concept to a middle power required adapting the original framework developed by R. Fontaine and D. Kliman, which reflected the realities of great powers, to align with current research on international organizations. The study also employs the concept of international regimes as a theoretical framework. Based on this, the study identifies functions that swing states must perform to enhance their international influence while maintaining domestic stability. The work reveals that as a swing state, Uzbekistan seeks to minimize foreign policy risks that could escalate international tensions, accumulate resources for rapid economic development, and create opportunities to promote its own initiatives and regimes without abandoning investment-driven growth. To achieve this, it engages in integration initiatives within the post-Soviet, broader Eurasian, and European spaces. This approach serves a dual purpose: facilitating economic development and counterbalancing the influence of different actors. Similar trends are evident in Uzbekistan's overall foreign economic policy, reflected in its investment structure and development model choices. Simultaneously, Tashkent is actively promoting its own initiatives with the goal of establishing regional regimes within Central Asia. Uzbekistan follows a comparable strategy in its investment approach, diversifying its sources and forging partnerships with medium-sized economies globally.

Key words: Uzbekistan, swing states, emerging powers, Eurasian economic union, Shanghai Cooperation Organization, Eurasian integration

For citation: Daria O. Matyashova. Economic and integration policy of Uzbekistan as a swing state // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024; 5(7):536-543 (In Russ.)

Термин «колеблющееся государство» или «глобальное колеблющееся государство» ввели в международные отношения американские политологи Р. Фонтейн и Д. Клайман¹. Под «глобальными колеблющимися государствами» Фонтейн и Клайман понимали страны, международные амбиции, быстро растущая экономика и географические особенности которых делали их выбор внешнеполитического курса ключевым для мирового развития и построения нового мирового порядка после холодной войны [Fontaine, Kliman 2013: 93]. К ним относили прежде всего Бразилию, Индию, Индонезию и Турцию [Fontaine, Kliman 2013: 94]. Колеблющимися государствами «второго ранга» считались Мексика, Южная Корея и ЮАР [Fontaine, Kliman 2013: 98].

Позднее концепция «колеблющегося государства» трансформировалась. Понятие стало обозначать актора, который может влиять на курс организации или региона за счёт того, что его позиция отличается от

общепринятой, но, будучи озвученной, может спровоцировать «эффект домино» (например, позиция Польши на конференции по климату в 2018 г. [Asadnabizadeh 2019: 265]), за счёт диверсификации внешней политики и наличия альтернативного блока союзников (например, Турция относительно НАТО [Eldem 2021: 120]) или за счёт наличия достаточного числа ресурсов и международного авторитета, чтобы формировать альтернативный центр силы (например, Россия и Индия [Куприянов, Королёв, Унникришнан 2019]).

Ценность идеи Фонтейна и Клаймана заключалась в синтезе уже существовавшей концепции восходящих держав и представления о существовании в международных отношениях по поводу безопасности стратегии «хеджирования». Восходящие державы в реализме понимаются этап существования государства перед его превращением в ревизионистское государство – то есть, государство, стремящееся оспорить мировой порядок

¹ India as a "Global Swing State". A New Framework For U.S. Engagement with India. Interview with Richard Fontaine and Daniel Kliman // The National Bureau of Asian Research URL:

<https://www.nbr.org/publication/india-as-a-global-swing-state-a-new-framework-for-u-s-engagement-with-india/> (дата обращения: 27.04.2024).

[Kennedy 1987: 285; Pisciotta 2023: 96; Schweller 2015]. В исследованиях мировой экономики под восходящими державами понимаются прежде всего государства с быстрым ростом ВВП и производительности труда, занимающие за счёт этого большие доли на мировом рынке и ключевые позиции в логистических и производственных цепочках.

Хеджирование — это комбинация кооперации и конфронтации, на которую опираются в анархичной и нестабильной среде. Термин применяется главным образом к малым государствам, за счёт чего речь идёт о балансе между кооперацией и конфронтацией с великими державами [Ciorciari, Naacke 2019: 367; Gunasekara 2015: 213]. Тем не менее, к подобному поведению могут прибегать и крупные государства. Примером может служить признанная «колеблющаяся держава» Индия, которая одновременно участвует в инициативах QUAD с США и Японией и ШОС с Китаем и Россией. Кроме того, государства, прибегающие к «хеджированию», могут самостоятельно инициировать формирование институтов, которые давали бы им возможность максимизировать влияние в регионе и балансировать между разнонаправленными интеграционными проектами других держав. В случае с Индией речь идёт о BIMSTEC, в случае с другой «колеблющейся державой», Бразилией – об усилении связности МЕРКОСУР посредством создания новой транспортной инфраструктуры: мостов, соединяющих Бразилию, Аргентину, Боливию и Уругвай через трансграничные реки¹. Это означает, что «хеджирование» не сводится к балансированию и может подразумевать самостоятельность на региональном уровне.

«Колеблющееся государство» можно определить как восходящую державу глобального или регионального уровня, которая прибегает к внешнеполитической стратегии «хеджирования». В то же время, если определять колеблющиеся государства как разновидность восходящих держав, термин остаётся экстерналино описательным

– характеризующим участника международной среды исключительно с точки зрения внешнего наблюдателя.

С внутренней точки зрения восходящим державам приходится одновременно решать несколько ресурсоёмких задач. Во внешней политике это обеспечение безопасной и стабильной среды и продвижение собственных международных инициатив – альтернатив международным режимам, которые сформированы великими державами и служат проекцией их власти. Во внутренней политике это поддержка внутривнутриполитической стабильности и стимулирование экономического и технологического развития. Внутренняя стабильность позволяет восходящей державе последовательно продвигать собственные инициативы, которые будут восприниматься с энтузиазмом, если восходящая держава уже показывает себя как авторитетный игрок на уровне региона или мира, внося вклад в общую безопасность. Для этого нужны ресурсы, в которых восходящая держава одновременно нуждается для интенсивного развития.

У восходящих держав, в особенности региональных, распределение ресурсов одновременно на общую безопасность и на интенсивное развитие может вызывать сложности. Поэтому для них рациональны стратегии, с одной стороны, присоединения к игрокам, которые уже создали архитектуру региональной безопасности и накопили для неё ресурсы, с другой стороны, диверсификации источников финансов и технологий. Присоединение восходящей державы только к одной из великих держав или одному блоку ограничивает объём ресурсов, на которые она может полагаться при реализации этих целей. Кроме того, присоединение к одному из блоков в условиях конкуренции великих держав может привести к международному давлению и внутривнутриполитической нестабильности.

В результате колеблющиеся государства реализуют сразу несколько задач: обеспечивают внутривнутриполитическую

¹ Spotlight: Brazil's infra projects for regional integration // Bnamericas URL: <https://www.bnamericas.com/en/features/spotlight->

[brazils-infra-projects-for-regional-integration](https://www.bnamericas.com/en/features/spotlight-brazils-infra-projects-for-regional-integration) (дата обращения: 27.04.2024).

стабильность, диверсифицируют источники ресурсов для собственного развития и снижают собственные затраты на международные инициативы.

Узбекистан последнего десятилетия можно охарактеризовать как восходящую региональную державу. С точки зрения внутреннего развития, Узбекистан представляет собой быстрорастущую индустриализующуюся экономику, среднегодовой рост которой в 2017-2021 гг. составлял 5% [Бегалов, Жуковская 2022: 68], а в 2023 г. достиг 6%¹. Возможности для роста создают увеличивающиеся иностранные инвестиции: в 2023 г. объём ПИИ в экономику Узбекистана достиг \$7,2 млрд, что в два раза больше, чем в 2022 г.². Дополнительной «опорой» служат демографические и природные ресурсы. Если в 1991 году в стране проживало 20,6 млн человек, то сейчас её населяет 36,9 млн³. Что касается природных ресурсов, то Узбекистан входит в топ-5 по добыче урана в мире⁴ и планирует наращивать его добычу наравне с добычей других редкоземельных металлов⁵.

Тем не менее демографический рост приводит к росту нагрузки на коммунальную, транспортную и социальную инфраструктуру. При этом природные ресурсы, которые могли бы поспособствовать решению данных проблем, исчерпываются: так, на 1 января 2018 г. добыча газа в Узбекистане составляла 61,6 млрд м³, на 1 января 2021 г. – 53,8 млрд, на 1 января 2023 г. – 46,7 млрд⁶. В результате власти

вынуждены идти на непопулярные меры: например, с 1 мая 2024 г. цены на газ и электричество увеличились в 1,6 раз⁷. Это потенциально может приводить к росту социальной напряжённости и угрожать возможности проводить гибкую политику восходящей державы.

Другое потенциальное ограничение связано с моделью развития, опирающейся на иностранные инвестиции. На этапе привлечения и накопления иностранных инвестиций страна выполняет роль «витрины» импортируемых в неё технологий и связанных с их использованием производственных и управленческих решений. Это вовлекает государство в сферу влияния «нормативной силы» крупнейших инвесторов, делая транслятором режимов, выработанных донорами. Такие режимы могут касаться как непосредственно экономических отношений, так и смежных отношений природопользования, труда и пр. Это ограничивает возможности трансляции собственных режимов и стандартов.

Примером может служить экологизация китайской инициативы «Один пояс – один путь», которая ознаменовалась в 2019 г. подписанием принципов «зеленых» инвестиций [Чу, Ма 2022: 15]. При этом в самом Узбекистане в рамках «Один пояс – один путь» Китай к 2023 г. модернизировал 9 ГЭС⁸ и планирует построить ещё одну ГЭС и

¹ Экономический рост Узбекистана в 2023 году составил 6% // Финмаркет URL: <https://www.finmarket.ru/database/news/6104794> (дата обращения: 27.04.2024).

² Иностранные инвестиции в Узбекистан выросли вдвое // Курсив медиа Узбекистан URL: <https://uz.kursiv.media/2024-02-07/inostrannye-investiczi-v-uzbekistan-vyrosli-vdvoe/> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Численность населения Узбекистана ежедневно увеличивается почти на 2 тыс. человек // ТАСС URL: <https://tass.ru/obschestvo/20569621> (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Узбекистан собирается войти в тройку стран-лидеров по добыче урана в мире // Курсив медиа Узбекистан URL: <https://kz.kursiv.media/2022-11-24/uzbekistan-sobiraetsya-voiti-v-trojku-stran-liderov-po-dobyche-urana-v-mire/> (дата обращения: 27.04.2024).

⁵ В Узбекистане увеличат добычу урана, лития и других редких металлов // Газета.UZ URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/05/20/geo/> (дата обращения: 27.04.2024).

⁶ Узбекистан хочет получать больше газа из России // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2024/02/22/1021681-uzbekistan-hochet-poluchat-bolshe-gaza-iz-rossii> (дата обращения: 27.04.2024).

⁷ В Узбекистане газ и электричество для населения подорожает в 1,6 раза с мая // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/world/956164> (дата обращения: 27.04.2024).

⁸ Специальный репортаж: 10 лет -- яркие страницы инициативы «Пояс и путь» в Узбекистане // Синьхуа Новости URL: <https://russian.news.cn/20231005/b0bd87e317514776aa3d4e6a6897b2a1/c.html> (дата обращения: 27.04.2024).

две ГАЭС¹. С одной стороны, это помогает решить проблему с энергетикой – потенциальный источник социальной напряжённости. С другой стороны, это задаёт стране определённую модель развития энергетики.

В результате перед Узбекистаном как восходящей региональной державой встаёт несколько задач. С одной стороны, от него требуется минимизировать внешние риски, которые потенциально могут спровоцировать обострение социальной напряжённости, основанной на внутренних факторах. С другой стороны, ему необходимо перейти из статуса транслятора моделей, ценностей и режимов своих инвесторов с создателя собственных моделей, ценностей и режимов. Эти задачи Ташкент решает во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах.

После прихода к власти Ш. Мирзиёева в 2016 г. внешнеполитический курс Узбекистана претерпел трансформацию, став более ориентированным на подключение к работе международных организаций [Toktogulov 2022: 62]. Изменения привели к росту активности в Большой Евразии и на постсоветском пространстве. Тем не менее смена вектора от изоляционизма к интеграции повлекла оживление внешней политики на других направлениях – западном и непосредственно центральноазиатском.

В июле 2017 г. министр иностранных дел А. Камилов заявил, что «Узбекистан не будет вступать в Евразийское экономическое сообщество», так как это противоречит Концепции внешней политики, принятой при И. Каримове [Ахмедов, Смолик 2019: 684]. Но в декабре 2020 г. страна присоединилась к ЕАЭС в качестве наблюдателя². Другим знаковым событием стало председательство Узбекистана в СНГ в 2020 г., первое за всю независимую историю страны, и

деятельность Ташкента в рамках организации. Узбекистан как председатель участвовал в разработке соглашения о Приоритетных направлениях сотрудничества государств - участников СНГ в сфере транспорта на период до 2030 г.³. При этом логистика и транспорт стали приоритетными направлениями сотрудничества и развития на постсоветском пространстве.

Кроме того, Узбекистан произвёл переоценку интеграции в масштабах Большой Евразии. В частности, если в 2010-х государство выступило против создания свободной экономической зоны ШОС, то в 2022 г., будучи председателем организации, внесло вклад в углубление не только торговой, но и промышленной интеграции. В год председательства Узбекистана были приняты Заявление Совета глав государств – членов ШОС об обеспечении надежных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок, План совместных действий по развитию внутрирегиональной торговли в рамках ШОС и Программа стимулирования промышленной кооперации между деловыми кругами государств – членов ШОС [Михневич 2022: 39-40].

Усилия Узбекистана в постсоветской и евразийской интеграции должны, с одной стороны, усиливать позитивные эффекты от логистического, торгового и промышленного сотрудничества и одновременно контрбалансировать друг друга, генерируя альтернативные проекты и инициативы.

Контрбалансиром и евразийскому, и постсоветскому векторам служит интеграция на западном направлении. В 2021 г. Узбекистан присоединился к системе преференций GSP+ Европейского Союза⁴, а в 2022 г. в Самарканде прошла конференция по устойчивой взаимосвязанности в рамках

¹ Китайская компания построит на реке Пскем в Узбекистане ГАЭС // Газета.UZ URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2023/10/19/china-southern-power-grid/> (дата обращения: 27.04.2024).

² Узбекистан получил статус наблюдателя в ЕАЭС // Газета.UZ URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/12/11/eaeu/> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Итоги председательства Узбекистана в СНГ: основные приоритеты, достижения и трудности //

Исполнительный комитет Содружества независимых государств URL: https://cis.minsk.by/news/17512/itogi_predsedatelstva_uzbekistana_v_sng_osnovnye_prioritety_dostizhenija_i_trudnosti (дата обращения: 27.04.2024).

⁴ Сотрудничество между ЕС и Узбекистаном способствует росту агробизнеса и увеличению торговли // Делегация Европейского союза в Узбекистане URL: <https://clck.ru/3BPsik> (дата обращения: 27.04.2024).

проекта «Глобальный шлюз»¹. Сейчас данные проекты подразумевают либерализацию торговли для облегчения выхода на неприоритетные рынки или международную помощь устойчивому развитию. Тем не менее, в перспективе они могут способствовать транзиту технологий, обмену капиталами и, соответственно, формированию альтернативных торговых и производственных цепочек, конкурирующих с цепочками в Большой Евразии и на постсоветском пространстве. К западному вектору можно отнести и попытки Узбекистана присоединиться к ВТО, которая формирует сообщество государств, поддерживающих неолиберальный мировой порядок, созданный в 1990-х гг.

Наконец, Ташкент предпринимает усилия для формирования региональной, центральноазиатской интеграционной повестки [Saud 2018: 1]. Так, в сентябре 2023 г. президент Узбекистана призвал создать в Центральной Азии зону свободной торговли². Пока такие инициативы находятся на уровне формирования общей повестки: уровень кооперации между странами Центральной Азии не позволяет формировать полноценное региональное интеграционное объединение. В то же время, оно позволило бы региону обрести стратегическую независимость, а Узбекистану – добиться лидерства как минимум на региональном уровне.

Во внешнеэкономических отношениях политику Узбекистана можно также охарактеризовать как направленную на достижение баланса. Хотя крупнейший

инвестор (20,5%) – это КНР, ещё 18,8% приходится на Россию, а 8,5% и 6,2% - на Саудовскую Аравию и Турцию соответственно. Кроме того, более 25% инвестиций приходится на менее крупные экономики по сравнению с КНР, Россией, США, Германией и пр.³. Помимо хеджирования, это создаёт возможности для создания продуктивных связей между средними державами и формирования своих моделей инвестиций и экономического развития.

Таким образом, Узбекистан как «колеблющееся государство» решает задачи минимизации внешнеполитических рисков, которые могли бы спровоцировать рост международной напряжённости, дальнейшего накопления ресурсов для ускоренного экономического развития и формирования возможности для продвижения своих инициатив и режимов без отказа от развития с опорой на инвестиции. Для этого он вовлекается в интеграционные инициативы постсоветского, большого евразийского и европейского пространств, которые, с одной стороны, помогают решать задачи, связанные с экономическим развитием, с другой стороны, контрбалансируют друг друга. Параллельно Ташкент продвигает свои инициативы с перспективой выработки режимов на уровне Центральной Азии. Аналогичной схемы Узбекистан придерживается в инвестициях, диверсифицируя их источники и создавая связи со средними экономиками мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. №1 (2). С. 854-865.
- Бегалов Б.А., Жуковская И.Е. Статистическая оценка реализации стратегий социально-экономического развития Республики Узбекистан в условиях цифровой трансформации // Статистика и Экономика. 2022. №19 (3). С. 64-76.

¹ Конференция по устойчивой взаимосвязанности между Европейским союзом и странами Центральной Азии // Посольство Чешской Республики в Узбекистане URL: https://www.mzv.cz/tashkent/uz/novosti/connectivity_conference.html (дата обращения: 27.04.2024).

² Мирзиёев предложил создать в Центральной Азии полноценную зону свободной торговли // TACC URL:

<https://tass.ru/ekonomika/18751349> (дата обращения: 27.04.2024).

³ Топ-10 стран с самой высокой долей иностранных инвестиций в Узбекистане // Sputnik Узбекистан URL: <https://uz.sputniknews.ru/20230904/top-10-dolya-inostrannye-investitsii-uzbekistan-38544580.html> (дата обращения: 27.04.2024).

- Куприянов А., Королёв А., Унникришнан Н.* Евразийская хорда, океанское кольцо Россия и Индия как третья сила нового миропорядка // Россия в глобальной политике. 2019. №3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evrazijskaya-horda-okeanskoe-kolczo/> (дата обращения: 27.04.2024).
- Мухневич С.В.* Шанхайская организация сотрудничества в 2022 г.: экономическая повестка председательства Узбекистана и перспективы развития организации // Вестник Поволжского института управления. 2022. №22 (5). С. 35-53.
- Чу Л., Ма Л.* Этапы развития инициативы Китая «Зеленый шелковый путь» // Общество: политика, экономика, право. 2022. №3. С. 12–19.
- Asadnabizadeh M.* Analysis of internal factors of the swing states in the international climate change negotiations: a case study of Poland in COP24 // American Journal of Climate Change. 2019. №8 (2). Pp. 263-283.
- Ciorciari J., Haacke J.* Hedging in international relations: an introduction // International Relations of the Asia-Pacific. 2019. №19 (3). Pp. 367–374.
- Eldem T.* Turkey: a pivotal swing state in NATO // Turkish Policy Quarterly. 2021. №20 (2). Pp. 117-125.
- Fontaine R., Kliman D.M.* International order and global swing states // The Washington Quarterly. 2013. №36 (1). Pp. 93-109.
- Gunasekara S.N.* Bandwagoning, Balancing, and Small States: A Case of Sri Lanka // Asian Social Science. 2015. №11 (28). Pp. 212-220.
- Kennedy P.* The rise and fall of the great powers. London: Unwin Hyman, 1987. 704 p.
- Pisciotta B.* Regional and Global Revisionism: Russia and China in a Comparative Perspective // The International Spectator. 2023. №58 (3). Pp. 96-112.
- Saud A.* Changing Dynamics of Uzbekistan’s Foreign Policy Under Shavkat Mirziyoyev: Prospects for Central Asian Regional Economic Integration // Central Asia Journal. 2018. №82. Pp. 1-35.
- Schweller R. L.* Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders. May 2015 // Valdai Discussion club URL: <https://valdaiclub.com/files/11391/> (дата обращения: 27.04.2024).
- Toktogulov B.* Uzbekistan’s foreign policy under Mirziyoyev: change or continuity? // Eurasian Research Journal. 2022. №4 (1). Pp. 49-67.

REFERENCES

- Akhmedov H.T., Smolik N.G.* Republic of Uzbekistan in integration processes in the post-soviet space // Post-Soviet Research. 2019. №1 (2). Pp. 854-865.
- Begalov B.A., Zhukovskaya I.E.* Statistical assessment of the implementation of socio-economic development strategies of the Republic of Uzbekistan in the context of digital transformation // Statistics and Economics. 2022. №19 (3). Pp. 64-76.
- Kupriyanov A., Korolev A., Unnikrishnan N.* The Eurasian Chord, the Ocean ring of Russia and India as the third force of the new world order // Russia in Global Politics. 2019. №3. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/evrazijskaya-horda-okeanskoe-kolczo/> (access date: 27.04.2024).
- Mikhnevich S.V.* Shanghai cooperation organization in 2022: economic agenda of Uzbekistan chairmanship and organization’s development prospects // Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2022. №22 (5). С. 35-53.
- Chu L., Ma L.* Stages of the development of Chinese “Green Silk Road” Initiative // Society: Politics, Economics, Law. 2022. №3. Pp. 12–19.
- Asadnabizadeh M.* Analysis of internal factors of the swing states in the international climate change negotiations: a case study of Poland in COP24 // American Journal of Climate Change. 2019. №8 (2). Pp. 263-283.
- Ciorciari J., Haacke J.* Hedging in international relations: an introduction // International Relations of the Asia-Pacific. 2019. №19 (3). Pp. 367–374.
- Eldem T.* Turkey: a pivotal swing state in NATO // Turkish Policy Quarterly. 2021. №20 (2). Pp. 117-125.
- Fontaine R., Kliman D.M.* International order and global swing states // The Washington Quarterly. 2013. №36 (1). Pp. 93-109.

- Gunasekara S.N.* Bandwagoning, Balancing, and Small States: A Case of Sri Lanka // *Asian Social Science*. 2015. №11 (28). Pp. 212-220.
- Kennedy P.* The rise and fall of the great powers. London: Unwin Hyman, 1987. 704 p.
- Pisciotta B.* Regional and Global Revisionism: Russia and China in a Comparative Perspective // *The International Spectator*. 2023. №58 (3). С. 96-112.
- Saud A.* Changing Dynamics of Uzbekistan's Foreign Policy Under Shavkat Mirziyoyev: Prospects for Central Asian Regional Economic Integration // *Central Asia Journal*. 2018. №82. Pp. 1-35.
- Schweller R. L.* Rising Powers and Revisionism in Emerging International Orders. May 2015 // *Valdai Discussion club* URL: <https://valdaiclub.com/files/11391/> (access date: 27.04.2024).
- Toktogulov B.* Uzbekistan's foreign policy under Mirziyoyev: change or continuity? // *Eurasian Research Journal*. 2022. №4 (1). Pp. 49-67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Матяшова Дарья Олеговна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (факультет международных отношений), Санкт-Петербург, Россия. E-mail: dasham0708@mail.ru.

Daria O. Matyashova, PhD Student, Saint Petersburg State University (School of International Relations), Saint Petersburg, Russia. E-mail: dasham0708@mail.ru.